

— НОВАЯ АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА —

— И. А. МИРОЛЮБОВ —

ДИНАСТИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА
ВЕЛИКОГО

Иван Андреевич Миролюбов
Династическая
политика императора
Константина Великого
Серия «Новая античная
библиотека. Исследования»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65107241

*Династическая политика императора Константина Великого / И. А.
Миролюбов: Алетейя; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-00165-287-8*

Аннотация

Римский император Константин Великий (правил в 306–337 гг.) принадлежит к числу знаковых фигур античной и мировой истории. Одной из наиболее необычных целей его правления было увековечивание своего имени и правления. Для ее достижения, среди прочего, он предпринял меры по сохранению власти в руках членов своей семьи, на основе которой была создана императорская династия. В работе рассматриваются методы династического строительства, предпринятого императором Константином. Книга адресована

как специалистам по античной истории, так и широкому кругу читателей, интересующихся Древним Римом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	7
Источниковая база исследования	11
§ 1. Источники, имеющие официальное происхождение	13
§ 2. Нарративная традиция	22
Степень изученности темы	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Иван Миролюбов

Династическая

политика императора

Константина Великого

Рецензенты:

доктор исторических наук, доцент *А. М. Сморгачев* (РГГУ)

кандидат исторических наук, доцент *А. Д. Пантелеев*

(СПбГУ)

© И. А. Миролюбов, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Введение

Правление императора Константина Великого (306–337 гг.) признается в науке временем окончательного утверждения домината – принципиально новой социально-политической организации Римской империи¹. Наиболее яркая черта в политической жизни этого периода – превращение императора из «первого среди равных» (принципат) в абсолютного монарха (собственно, господина – *dominus*). Эта трансформация, берущая начало еще со времен появления института императорской власти, связывается с именами двух императоров – Диоклетиана и, как уже было сказано, Константина. Если опыты Диоклетиана в деле организации власти (создание четверной императорской коллегии – тетрархии) неоднократно привлекали внимание исследователей (в том числе – и благодаря своей уникальности), то деятель-

---

¹ В литературе устоялась трактовка домината как абсолютизированной военно-бюрократической системы с сильной центральной властью во главе и широкой социальной опорой в виде императорской аристократии, армии, крупных землевладельцев и городских низов. Характеризуя доминат как систему, опираемую на существующие в отечественной историографии определения: *Сергеев В. С.* Очерки истории Римской империи. Ч. II. М., 1941. С. 647–648; *Машикин Н. А.* История Древнего Рима. М., 2006. С. 587–588; *Ковалев С. И.* История Рима. СПб., 2002. С. 771–772; *Циркин Ю. Б.* «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н. э.) // «Мнемон». Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9. СПб., 2010. С. 271–288. Ср.: *Loewenstein K.* The Governance of Rome. The Hague, 1973. P. 403–405.

ность Константина в этом направлении изучена значительно меньше. Аксиоматичным стало признание императора твердым сторонником кровнородственной династической модели², утвердившего

у власти представителей своего семейства, которые правили Римской империей еще 26 лет после его смерти³ (337–363 гг.). Проблема организации Константином кровнородственной династии затрагивалась учеными, но специального исследования по этому вопросу проведено не было.

Династическая политика Константина, вынесенная в заглавие настоящей работы, являет собой сложный комплекс мер, направленных на формирование династии из членов императорской семьи. Ее понимание станет возможно после решения ряда задач. Это и степень усвоения Константином предшествующего политического опыта, в том числе императоров, при которых прошли его молодые годы, и причины, обусловившие выбор Константином модели кровнородственного династизма, и отношения внутри семьи, которая была одновременно инструментом и объектом династиче-

---

² Буркхардт Я. Век Константина Великого. М., 2003. С. 267; Рубцов П. В. К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 76; Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.; М., 2014. С. 286.

³ Своеобразный рекорд пребывания у власти династии, основанной на принципах кровного родства. В этом отношении императоры династии Константина могут соперничать лишь с династией Юлиев-Клавдиев, которые занимали императорское положение в 14–68 гг., однако опять же с учетом факта усыновления Нерона.

ской политики, и, наконец, цель императора и степень ее реализации на практике. Соответственно, эти и смежные с ними вопросы в значительной степени определяют структуру работы, которой предшествуют также пространный экскурс по источникам, рассказывающим нам об эпохе Константина, и общие замечания о состоянии изученности вопроса.

Мы намеренно соотносим хронологические границы нашего исследования со временем жизни самого Константина (270-е – 337 гг.), так как, с одной стороны, необходимо учесть время его становления как политического деятеля, с другой – важно понимать, что после смерти Константина 22 мая 337 г. произошел политический кризис, в результате которого было убито множество родственников императора. Данный кризис, до сих пор не получивший в историографии точного определения⁴, не отняв власти из рук представителей семьи Константина, тем не менее стал зримой чертой, подведшей итог династической политики императора, после которого руководство государством перешло в руки его сыновей. Их деятельность является отдельной темой для перспективного научного исследования.

Автор завершает настоящее введение словами благодарности. Исследование было написано автором по итогам обучения на кафедре истории Древнего мира исторического

---

⁴ Разнообразные обозначения этого кризиса в научной литературе: *Григорюк Т. В.* 337 год: кризис власти в Римской империи и «убийства принцев» // ВДИ. 2012. № 2. С. 155.

факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Ее преподавательскому составу во главе с заведующим кафедрой д.и.н., проф. С. Ю. Сапрыкиным автор адресует благодарность за все полученные им знания и внимательное к нему отношение. Многими своими аспектами работа обязана вдумчивым и тонким замечаниям научного руководителя автора, д.и.н., проф. И. Л. Маяк (1922–2018 гг.). Во многом именно ее памяти эта работа и должна быть посвящена.

На всем протяжении работы над исследованием автора поддерживали его родители – А. А. Миролюбов и В. В. Миролюбова, а также его друг А. Г. Сергиенко. Особые слова благодарности автор адресует всем, кто прочел настоящее исследование на этапе его подготовки и высказал свои замечания, – В. П. Будановой, М. А. Ведешкину, П. В. Кузенкову, И. А. Ладынину, В. О. Никишину, А. Д. Пантелееву, А. В. Подосинову, А. М. Сморчкову, Н. Н. Трухиной. Конечно, далеко не все из них (особенно концептуального характера) удалось учесть при подготовке работы к печати. Однако автор хотел бы отметить, что многие из высказанных пожеланий являются серьезной пищей для размышления и основой для новых научных работ.

Источниковая база исследования

Р. Ван Дам отмечал⁵, что Константин Великий – один из «наиболее задокументированных» римских императоров; однако же, по мнению Т. Д. Барнса, исследователь жизни и личности этого императора сталкивается с невозможностью представить целостную картину⁶. Столь противоречивые мнения, на наш взгляд, прекрасно характеризуют источниковую базу для изучения личности и эпохи Константина. В нашем распоряжении нет целостного повествования за авторством непредвзятого биографа, но эта лакуна, как замечал Б. Блекманн, компенсируется самой многочисленностью источников, сосредоточенных, и весьма подробно, на частных проблемах⁷.

Источники, освещающие жизнь и деятельность Константина и членов его семьи, действительно многообразны. В первом приближении мы можем выделить следующие категории: *testimonia Constantini* и официальные источники (па-

---

⁵ *Van Dam R.* Roman Revolution of Constantine. New York, 2008; особенно это заметно в сравнении с предшествующей Константину эпохой, как верно заметил О. Шмитт: *Schmitt O.* Constantin der Grosse. Stuttgart, 2007. S. 10.

⁶ *Barnes T. D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden; Oxford; Chichester, 2014. P. 1–2.

⁷ *Bleckmann B.* Sources for the History of Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine. New York, 2006. P. 14. Далее The Cambridge Companion to the Age of Constantine будет указываться просто как The Cambridge Companion.

негирики, данные нумизматики и эпиграфики), а также обширная нарративная традиция, подразделяемая на множество мелких и частных групп.

§ 1. Источники, имеющие официальное происхождение

При изучении династической политики Константина Великого необходимо отметить, что сам Константин выступал как *auctor*, потому, разумеется, мы должны в первую очередь иметь в виду его *testimonia*, а также источники, имеющие официальное происхождение: панегирики в честь императора и перед ним произнесенные; данные нумизматики и эпиграфики; памятники изобразительного искусства (статуарные портреты членов императорской семьи) и архитектуры (постройки Константина и/или связанные с именем членов его семьи).

а) Testimonia Константина Великого. Что касается этой категории источников, то в нашем распоряжении имеются нормативные акты, письма и речи императора, т. е. материал документального характера, который имеет разнообразное происхождение. Нормативные акты содержатся по большей части в двух сборниках более позднего по сравнению с эпохой Константина времени – Кодексе Феодосия (438 г.) и Кодексе Юстиниана (534 г.). Знаменитый «Миланский эдикт» зафиксирован авторами, современными Константину – это Лактанций (латинский текст) и Евсевий Кесарийский (гре-

ческий перевод)⁸. Рескрипты Константина жителям Гиспеллума и Оркиста (330-е гг.) сохранились в виде эпиграфических памятников и издавались⁹ неоднократно. Сложнее обстоит дело с письмами и речами императора, которые зафиксированы в нарративной традиции – преимущественно у Евсевия Кесарийского, а также у следующих за ним церковных авторов. Проблема достоверности цитируемых Евсевием материалов уже привлекала к себе внимание исследователей¹⁰, обнаруживая полярность мнений, хотя на сегодняшний день вопрос о подлинности этих документов решается скорее положительно¹¹. Для нас, впрочем, эта дискуссия, часто сосредоточенная вокруг религиозных воззрений Константина и

---

⁸ Подробный разбор двух вариантов текста с рассмотрением исторического контекста и существующей к тому моменту литературы, посвященной вопросу: *Бриллиантов А. И.* Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. Петроград, 1916.

⁹ Латинский текст обоих писем с английским переводом и некоторым комментарием приведен в издании: *Van Dam R.* Op. cit. P. 363–372.

¹⁰ *Ястребов А. О., свящ.* Евсевий // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 257; *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление средневекового историзма. СПб., 2006. С. 177–180. И. Ю. Ващева отмечает панегирический характер интересующего нас сочинения Евсевия, «Жизни Константина», и предлагает не применять к нему «суровые требования»: Там же. С. 177–178, примеч. 3. В таком случае – каковы же критерии?

¹¹ Важнейшей работой по вопросу подлинности сочинений Константина, сохранных у авторов, является работа Г. Дёрриса, где обосновывается положительный ответ на этот вопрос: *Dorries H.* Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. Gottingen, 1954. См. также предисловие к изданию английского перевода «Жизни Константина» Евсевия: *Cameron A., Hall. S.G.* Introduction // *Eusebius. Life of Constantine.* New York, 1999. P. 18–21.

их влияния на его законотворчество, имеет второстепенное значение. В силу нашего интереса к династической политике Константина и, как следствие, к его семье, для нас важно упоминание в текстах этих документов родных императора. Отметим, что упоминание их имен с указанием их титулатуры и возможного рода занятий (подтверждение чему несложно найти в эпиграфическом материале) может служить в перспективе дополнительной основой для определения подлинности данных документов.

b) Панегирики. Что касается речей в честь императоров (панегириков), то здесь мы имеем дело с источниками, в которых отразились официальные установки, происходящие от самого Константина и его двора. Категория панегириков представлена латинскими речами галльских ораторов, чьи сочинения сохранились в составе сборника *Panegyrici Latini*, а также греческой «Речью по случаю тридцатилетия правления Константина» за авторством опять же Евсевия Кесарийского.

Латинские панегирики давно стали достоянием науки и привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей¹². Пять речей адресованы самому императо-

---

¹² Ориентируемся на следующие публикации источника: *Nixon C. V. E., Rodgers B. S. In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini.* Berkley; Los Angeles; Oxford, 1994; Латинские панегирики / Вступительная статья, перевод и комментарии И. Ю. Шабаги. М., 2016 (издание снабжено русским переводом; латинский текст и русский перевод в работе приводим по этому изданию). О самом памятнике: *Шабага И. Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от

ру Константину, демонстрируя процесс его трансформации из сына знаменитого отца в императора-августа¹³. В панегириках отразился ряд династических идеологем Константина: его преемственность по отношению к отцу, родственная связь с Клавдием Готским, а также положение внутри династических конструкций сыновей императора. Четыре панегирика посвящены тетрархам (из них два – отцу Константина). Являясь современными тетрархам сочинениями, они отражают климат при дворе того времени и помогают понять, в какой атмосфере формировался сам Константин (это тем более важно, что в нашем распоряжении нет нарративной традиции, современной эпохе тетрархии).

В «Речи по случаю тридцатилетия правления Константина» (далее – «Речь 336 года») Евсевий Кесарийский подводит итог правления Константина и, что немаловажно, фиксирует коллегия наследников императора по ситуации на последний год его жизни (336/337 гг.). В контексте вопроса о том, как Константин, тяготеющий к династическому принципу организации власти, видел ситуацию со своими преемниками, этот источник приобретает едва ли не первостепенное значение, так как он мог содержать в себе положения, которые затем могли бы отразиться в завещании самого императора.

Диоклетиана до Феодосия. М., 1997; Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. III. М., 2005. С. 1570–1572.

¹³ Очень точное замечание Б. С. Роджерс: *Rodgers B. S. The Meatomorphosis of Constantine // The Classical Quarterly. 1989. Vol. 39. № 1. P. 233–234.*

с) *Данные нумизматики* вызывали интерес у многих исследователей эпохи Константина. Первую подборку монет «дома Константина» составил Ш. Дюканж в конце XVII столетия. Наиболее полное собрание монет этой эпохи содержится в соответствующих томах издания «The Roman Imperial Coinage» (далее – RIC)¹⁴. Имеющиеся археологические находки позволяют говорить, что после провозглашения Константин немедленно приступил к чеканке на своей территории монет. Монеты, содержащие портреты императора (и – позже – членов его семьи, привлеченных к власти) и снабженные легендами, отражают официальные установки самого Константина. Как убедительно показывает статья Д. Райта, монетные портреты Константина имеют большое значение для изучения иконографии этого императора и его династии¹⁵; в контексте поиска характерных черт внешности, «роднящих» членов «дома Константина», это может стать основой для дискуссии о наличии выработанной династической иконографии¹⁶. Чествование монетными легендами и

---

¹⁴ RIC. Vol. VI. London, 1967; Vol. VII. London, 1966. Далее указывается название издания (RIC) и номер тома; при ссылке на чеканку – место (или имя императора) чеканки, страница (или страницы), в случае необходимости – номер указанного издания. конкретного монетного типа. Перевод монетных легенд – наш, по данным

¹⁵ Wright D.H. The True Face of Constantine the Great // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 41. 1987. P. 493–507.

¹⁶ Проблема была затронута нами в статье: *Миролюбов И. А.* Констанций и

изображениями тех или иных событий (побед, посещений императором городов, основания Константинополя) позволяет также уточнить хронологию. Большое значение монеты имеют для ономастики, так как легенды содержат полные формы (в сокращении – по причине ограниченности длины монетной легенды) имен изображенных на монетах людей. Таким образом, в деле изучения династической ономастики монеты играют большую роль – наравне с...

d) *...данными эпиграфики*, которые содержат часто более полные формы имен, развернутое перечисление титулов и эпитетов. Немаловажно, что некоторые надписи несут на себе следы вмешательства, имеющего целью стереть то или иное имя, что позволяет говорить о наглядном доказательстве использования в династической политике Константина механизма *damnatio memoriae* («проклятие памяти»). Ценность надписей для изучения деятельности Константина отмечал еще неоднократно обращавшийся к ним в курсе своих лекций по истории римских императоров Т. Моммзен. Отметим интерес к эпиграфике и среди современных исследователей: Т. Грюневальд собрал колоссальный массив эпиграфических свидетельств об этом императоре¹⁷; надписи, посвященные матери Константина, Елене, собраны в моногра-

---

Юлиан: споры о бороде // Электронный научно – образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. № 3 (57).

¹⁷ *Grunewald T. Constantinus Maximus Augustus. Stuttgart, 1990.*

фии Я. В. Дрейверса¹⁸. При работе с этой категорией источников ориентируемся на публикации в *Corpus Inscriptionum Latinarum* (далее – CIL) и в сборнике Г. Дессау *Inscriptiones Latinae Selectae* (далее – ILS)¹⁹.

е) Эпоха Константина Великого известна своими **монументальными сооружениями**, поэтому памятники скульптуры и архитектуры справедливо рассматривать как один из важнейших источников для понимания этой эпохи. Скульптурные портреты запечатлели членов династии Константина (включая его самого); нарративная традиция также фиксирует, что ряд родных Константиина (мать Елена, сестра Анастасия etc.) были связаны с крупными строительными проектами в Риме, Константинополе и других городах. При работе с подобным специфическим видом источника мы опираемся на исследовательские работы по истории искусств и топографии городов. Отметим, прежде всего, ставшую классической работу Д. Клейнер по римской скульптуре²⁰, где рассмотрены многочисленные памятники

---

¹⁸ *Drijvers J. W. Helena Augusta*. Leiden, 1992.

¹⁹ Перевод надписей – наш, по данным указанных изданий.

²⁰ *Kleiner D. E. E. Roman Sculpture*. New Heaven; London, 1992. В комплексе с этой работой большое значение также имеет монография, посвященная трансформации статуй под влиянием *damnatio memoriae*: *Varner E. R. Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden-Boston, 2004. Отметим также работу отечественного исследователя: *Сидорова Н. А. Портрет конца III–IV века н. э. // Брито́ва Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н.*

эпохи Константина. Для знакомства с постройками Рима и Константинополя большое значение имеют топографические словари Л. Ричардсона²¹ и В. Мюллера-Винера²² соответственно. Отметим и очерк М. Джонсона, посвященный строительной деятельности Константина²³.

Весь этот массив источников позволяет составить некоторое представление о династической политике Константина: он знакомит нас с собственно членами династии, династической ономастикой и иконографией, позволяет составить представление о том, каково было – в динамике – положение того или иного лица в составе правящего дома на основании титулатуры. Однако данные источники знакомят нас только с конкретными решениями Константина, никак не объясняя причин, побудивших императора к тому или иному выдвижению члена своей семьи. Потому, разумеется, этот массив источников, документально фиксирующих развитие ди-

---

А. Римский скульптурный портрет. М., 1975. с. 85–95.

²¹ *Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. London-Baltimore, 1992.* Эта работа в значительной степени дополняет и расширяет сведения ставшего классическим словаря Платнера и Эшби. Из русскоязычных работ заслуживает особого внимания работа: *Таруашвили Л. И. Рим в 313 году. Художественно-исторический путеводитель по столице древней империи. М., 2010.* Строительной деятельности Константина в Риме посвящена специальная монография: *Holloway R. R. Constantine and Rome. New Heaven; London, 2004.*

²² *Muller—Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert. Tübingen 1977.*

²³ *Johnson M. J. Architecture of Empire // The Cambridge Companion. P. 278–297.*

настии Константина, должен изучаться в комплексе с нарративной традицией, воссоздающей исторический фон эпохи.

§ 2. Нарративная традиция

Нарративная традиция о Константине огромна и может стать предметом отдельного перспективного исследовательского направления, так как сочетает внутри себя колоссальное количество авторов, распределенных на множество внутренних традиций и охватывающих почти девять столетий (IV–XII вв.). В настоящем очерке, имея в виду его обзорный характер²⁴, мы ставим своей целью распределить авторов по группам, чтобы лучше понять эти самые идейные направления, внутри которых авторы рассматривали деятельность Константина. На наш взгляд, при выделении данных направлений большее внимание исследователь должен обращать на языковые предпочтения авторов и их конфессиональный выбор. Хронологическая ситуация, как кажется, играет меньшую роль: хронологически более близкие к Константину Евтропий и Аврелий Виктор (середина IV века) менее информативны, чем ряд византийских авторов, сохранивших осколки традиции, до нас не дошедшей. Однако внутри направлений хронология имеет определенное значение.

---

²⁴ Практически каждый привлекаемый нами автор становился предметом углубленного изучения, причем разрешение одних проблем влекло за собой постановку новых. Потому вполне резонно, что в настоящем очерке мы сосредоточимся лишь на общей характеристике авторов и их произведений, а также их источниковой базы.

Таким образом, чтобы перейти собственно к рассмотрению нарративной традиции, нам представляется возможным выделить следующие ее направления: достаточно емкая и лаконичная **латинская нарративная традиция**; более широкая традиция – **греческая**, разделяемая на **христианское (церковное)** и, соответственно, **языческое направление**; а также **miscellanea** – фрагментированные источники, сохранившиеся в переработке позднейших (византийских) эпитоматоров.

а) Латинская нарративная традиция. У истоков нарративной традиции о Константине стоит трактат Лактанция²⁵ *De mortibus persecutorum* («О смерти гонителей»)²⁶. Автор – ритор и христианский апологет; известно, что он был наставником сына Константина, Криспа. Данное известие позволяет быть уверенным в близости Лактанция ко двору Константина, что делает его ценным источником информации. Время написания сочинения – весна 314 года или, са-

---

²⁵ О самом авторе, а также о его трактате: PLRE. Vol. I. Firmianus signo Lactantius 2. P. 338; Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. 1732–1749; Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000.

²⁶ Латинский текст: *Laktanz. De mortibus persecutorum* – Die Todesarten der Verfolger. Turnhout, 2003 (издание снабжено немецким переводом и комментарием А. Шеделе). В своей работе опираемся на собственные переводы трактата Лактанция, выполненные по указанному изданию под руководством д.и.н., проф. А. В. Подосинова в период обучения в аспирантуре исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

мое позднее, последующая зима 314/315 гг.²⁷; изложение доведено до осени 313 года. Таким образом, это произведение показывает нам Константина не ретроспективно, а с позиции современника. В центре внимания трактата – гонения на христиан в эпоху тетрархии и воздаяние за них. Условно произведение можно поделить на две части: первая – обзорная история гонений до Аврелиана; вторая, более подробная, рассматривает историю правления последних императоров-гонителей (тетрархов) и приход к власти Константина и Лициния, которые выступают в роли исполнителей Божественной воли. Из особенностей этого апологетического по своему характеру сочинения стоит отметить политическую сатиру – Лактанций нередко критикует тетрархов (Диоклетиана, Галерия, Максимиана Дазу) не только за преследование христиан, но и за провалы во внутренней, в частности, в экономической политике. Лактанций выступает нашим информатором о взаимоотношении Константина с противниками и (на тот момент) соправителем – Лицинием, с которым император оформил династический альянс (выдав за него свою сестру, Констанцию).

Особняком в латинской нарративной традиции о Константине стоит его анонимное жизнеописание (т. н. Аноним Валезия²⁸), известное под заглавием *Origo Constantini*

---

²⁷ О датировке – классическая статья Т. Д. Барнса: *Barnes T. D. Lactantius and Constantine* // *JRS*. 1973. Vol. 63. P. 39.

²⁸ Под этим названием известны два не связанных тематически, но объединен-

imperatoris («Происхождение императора Константина»). Датировать это произведение не представляется возможным, так как никаких указаний на этот счет сам текст не дает; более того, он испорчен довольно неуклюжими интерполяциями из позднего автора – Орозия, что выдает позднейшую редактуру. Большинство интерполяций характеризуют Константина как «христианского императора»; самому Анониму религиозная политика императора неинтересна. Исследователи предлагают даты внутри всего IV столетия, подозревая неоднократные редакции²⁹. На наш взгляд, обилие уникальных и живых подробностей о ранней жизни Константина говорит скорее в пользу того, что в основе трактата действительно лежит некое сочинение, написанное современником императора. Сочинение Анонима Вalezия уникально тем,

---

ных в одну рукопись исторических сочинения. Опубликовано оно были Анри Валуа (Henricus Valesius), по имени которого получили название. Второе сочинение в рукописи (pars posterior) содержит очерк истории Италии в годы падения Западной Римской империи и деятельности Теодориха. В работе с этим источником опираемся на собственный перевод по изданию, снабженному также английским переводом: Anonymi Valesiani Pars Prior // Rolfe J. C. (ed.). Ammianus Marcellinus. Vol. III. London, 1986. P. 508–531.

²⁹ Разброс датировок: *Winkelmann F.* *Historiography of the Age of Constantine // Greek & Roman Historiography in Late Antiquity.* Leiden; Boston, 2003. P. 15–17. Стоит отметить также статью: *Козлов А. С.* К вопросу об авторстве и датировке *Origo Constantini Imperatoris* // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 213–232. Отечественный исследователь склонен принять мнение И. Кёнига о датировке произведения (в конечной его редакции, но до интерполяций Орозия) концом IV столетия. Ранняя датировка – сразу после смерти Константина: *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. С. 1509.

что это – единственная (из сохранившихся в нашем распоряжении текстов) латинская биография Константина.

В 60-е годы IV века интерес к фигуре Константина обусловлен критикой со стороны императора Юлиана (что мы рассмотрим далее). Латинская традиция о Константине этого времени представлена такими авторами, как Секст Аврелий Виктор и Флавий Евтропий. Их сближает род занятий (они были представителями римской администрации³⁰), религиозная индифферентность (умеренное язычество?) и общность жанра – оба пишут краткую историю (бревиарий), опираясь на сходный круг источников.

Секст Аврелий Виктор написал свое произведение *De caesaꝛibus* («О цезарях»)³¹ на исходе правления Констанция II в эпоху его противостояния с кузеном Юлианом (360 год). Его сочинение разделено на 42 краткие главы, каждая из которых посвящена императору или группе императоров (соправителей или противников). Жанр бревиария заставляет его урезать материал, обобщать частности (что заметно на

---

³⁰ Карьера обоих авторов хорошо зафиксирована источниками: PLRE. Vol. I. P. 317; EVTROPIVS 2; Sex. Aurelius Victorius 13. P. 960.

³¹ Об авторе и его произведении: *Бокищанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 109–110; *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. Т. III. С. 1501–1503; *Bonamente G.* Minor Latin Historians of the Fourth Century A. D. // Greek and Roman Historiography. P. 91–99; *Rohrbacher D.* Historians of Late Antiquity. London; New York, 2002. P. 42–48. При работе с текстом этого источника опираемся на свой перевод по классическому изданию Ф. Пихльмайра: *Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus.* Leipzig, 1970.

примере тех императоров, чьи биографии написаны были Светонием), однако в некоторых случаях он допускает отступления и анекдоты. Упоминания языческих божеств и вместе с тем игнорирование современной ему христианизации выдают в нем скорее религиозную индифферентность³². Сочинение Евтропия³³ *Breviarium ab Urbe condita* («Бревиарий от основания Города») является конспектом по римской истории для императора Валента. Его религиозная позиция кажется схожей с тем, что мы видим у Аврелия Виктора. Оба автора обнаруживают сходство и в оценке Константина: они свободны от панегирического тона, допускают критику, но в целом оценивают его как великого правителя. Подчеркнем, что замечания о своей жизни обоих авторов позволяют датировать их осознанное детство и отрочество временами правления этого императора, так что какие-то оценочные суждения могут быть основаны на их личных воспоминаниях о климате той эпохи. В целом же их главным источником по времени эпохе Константина считается гипотетический труд, т. н. *Kaisergeschichte*³⁴, существование которой в 1889 году предположил А. Ф. Энманн³⁵ на основе сопостав-

---

³² Бокщанин А. Г. Указ. соч. С. 110.

³³ Об авторе и его произведении: Бокщанин А. Г. Указ. соч. С. 110–111; Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. С. 1503–1505; Bonamente G. Op. cit. P. 103–112; Rohrbacher D. Op. cit. P. 49–56. При работе с этим источником опираемся на свой перевод по изданию: Eutropii Breviarium ab urbe condita. Leipzig, 1979.

³⁴ Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. С. 1502; С. 1504.

³⁵ Enmann A. Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser und das Buch De

ления трудов Секста Аврелия Виктора, Евтропия и императорских биографий за авторством некоего коллектива, известного как *Scriptores Historiae Augustae* (далее – SHA)³⁶.

В конце IV века сочинение Аврелия Виктора послужило одним из источников (и – в плане структуры – образцом) для создания сочинения *Epitome de caesaribus* («Извлечения о цезарях»). Сочинение включалось в круг трудов Аврелия Виктора, но принадлежит некоему компилятору³⁷, поэтому далее будем именовать его Псевдо-Аврелием Виктором. Этот автор, опиравшийся на те же источники и самих

---

viris illustribus urbis Romae // *Philologus*. 1884. Supp.-Bd. 4, H. 3. S. 337–501. За прошедшие почти полтора столетия немало исследователей обращалось к теме этого гипотетического исторического труда. Р. В. Бёрджесс высказал мысль, что автором мог быть некий историк Евсевий Нантский, а само произведение датировал 357 годом: *Burgess R. W. On the Date of the Kaisergeschichte* // *Classical Philology*. Vol. 90. № 2. 1995. P. 111–128.

³⁶ Это избыливающее анекдотическими подробностями и откровенными анахронизмами собрание жизнеописаний императоров от Адриана до Нумериана (включительно) представляет одну из наиболее серьезных проблем в источникововедении Древнего Рима. В качестве авторов заявлено шесть писателей, чьи имена не фиксируются никакими другими источниками и которые, возможно, были выдуманы настоящим автором произведения (оставшимся анонимным). Об этом сочинении: *Syme R. Historia Augusta Papers*. New York, 1983; *Бокищанин А. Г.* Указ. соч. С. 108–109; *Альбрехт М. фон*. Указ. соч. Т. III. 1516–1519. Обращаясь к данным этого источника, опираемся на свой перевод по изданию: *Scriptores Historiae Augustae*. In 3 vol. Cambridge; London, 1967.

³⁷ Исследователи справедливо отмечают значительную самостоятельность этого произведения от Аврелия Виктора, который в заголовке самого текста заявлен как источник информации: *Бокищанин А. Г.* Указ. соч. С. 110; *Bleckmann B. Sources...* P. 27. При работе с текстом источника опираемся на свой перевод по изданию текстов Аврелия Виктора (и приписываемых ему) Ф. Пихльмайра.

этих авторов, довел канву повествования до современного ему императора Феодосия Великого. Изложение здесь иногда весьма запутано (особенно применительно к интересующему нас периоду), отсутствует характерное для Аврелия Виктора морализаторство, акцентирован интерес к анекдотам. Как и указанные выше авторы, Псевдо-Аврелий Виктор не интересуется вопросами религии, что выдает в нем религиозно – индифферентного (формального) язычника.

В конце IV века к истории обратился Иероним Стридонский. Ему принадлежит перевод на латинский язык и продолжение всемирной хроники Евсевия Кесарийского, которая была доведена до 325 года. Компилируя сведения из светских источников (в частности – Евтропия) и материалы своих собственных наработок, он довел изложение до 378 года. Это произведение страдает от многочисленных неточностей и хронологических ошибок³⁸. Труд Иеронима, попытавшегося составить своего рода всемирную историю, куда был бы вписан и исторический путь христианства, чрезвычайно важен для понимания другого историка, Орозия. Павел Орозий творил в первые два десятилетия V века. Ему принадлежит монументальная *Historia adversus paganos* («История против язычников»)³⁹ – первая всемирная история с христи-

---

³⁸ Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. С. 1510. При работе с этим источником опираемся на свой перевод по изданию: Eusebi Chronicorum libri duo. Vol. II. Berolini, 1866. Ссылки приводятся на страницу данного издания с указанием буквенного обозначения записи.

³⁹ При работе с текстом источника опираемся на свой перевод по изданию К.

анской точки зрения. Сочинение стало ответом языческой оппозиции на обвинения в том, что кризисное положение империи при императоре Гонории (395 – 423 гг.) есть следствие отказа от языческих культов. Христианин Орозий не отказывается от своих римских корней. Он пишет о себе: «среди римлян я римлянин, среди христиан – христианин, среди людей я – человек» (Hist. V.2.6). При работе с источниками Орозий обращается не только к христианским апологетам II–III века, но и к собственно римским авторам⁴⁰. Важнейшими источниками для Орозия применительно к интересующему нас периоду являются сочинения Евтропия и Иеронима. При создании своего образа Константина Орозий столкнулся с рядом сложностей. Ему необходимо было примирить мрачные моменты биографии Константина (в том числе – и ситуацию внутри семьи) с его славой первого христианского императора. Обращаясь к враждебной, языческой аудитории, которая буквально могла ловить христианского историка за руку, Орозий был лишен возможности искажать факты, поэтому он очень тонко оперирует акцентами и грамотно компилирует факты⁴¹. Примечательно, что, следуя устоявшемуся в латинской традиции принципу, он

Цангемайстера: Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. Lipsiae 1889.

⁴⁰ Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. С. 1513–1514.

⁴¹ Компиляторский метод Орозия в вопросах освещения деятельности Константина Великого мы подробно рассматривали в своей статье: *Миролюбов И. А. Константин Великий в Истории против язычников Павла Орозия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. С. 62–70.*

довольно скупо освещает религиозную деятельность⁴² Константина.

В заключение отметим, что все латинские авторы представляют собой условный срез образованного общества IV века: это ритор (Лактанций), государственные чиновники (Аврелий Виктор и Евтропий; возможно – и Аноним Вalezия⁴³) и клирики (Иероним и Орозий). Время их жизни охватывает ровно столетие: от 313/314 гг. (время написания трактата Лактанция) до 417 года (когда была готова «История...» Орозия).

б) Греческая нарративная традиция. Грекоязычная традиция о Константине представлена обширными произведениями; в отличие от традиции латинской, она не едина, а подразделяется на две большие группы, которые определяются по четко выраженному конфессиональному признаку – это христиане и язычники.

---

⁴² В. М. Тюленев предположил, что скудное освещение деятельности Константина связано с желанием представить эпоху правления этого императора как время абсолютного мира (в итоге деятельность Ария освещена в рассказе о правлении императора-арианина Констанция): *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2004. С. 70; *Ващева И. Ю.* Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 48–49. Это не объясняет, почему в остальном Орозий не мог посвятить христианскому вектору религиозной политики Константина чуть больше строк.

⁴³ *Odahl Ch. M.* Op. cit. P. 3–4.

– *Греческие христианские (церковные) авторы*. Одним из наиболее важных авторов для изучения эпохи и личности Константина, несмотря на исследовательские обвинения в лести и искажении фактов в угоду конфессиональным предпочтениям⁴⁴, был и остается⁴⁵ Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. Его наследию принадлежат такие исторические труды, как «Церковная история», пространная «Жизнь Константина» и «Хроника» (описание всемирной истории от сотворения мира до 20-х гг. IV века). Первые два сочинения дошли до нас полностью, «Хроника» уцелела в армянском переводе и переложении на латинский язык за авторством Иеронима (о котором мы уже говорили выше).

Евсевий сам пережил гонения на христиан эпохи тетрархии и около 313 года стал епископом Кесарии Палестинской⁴⁶. При Константине он набирает влияние и входит в круг советников и корреспондентов императора. Его «Цер-

---

⁴⁴ Негативная оценка Евсевия как источника информации – еще у исследователей XIX столетия: *Буркхадт Я.* Указ. соч. С. 253; *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 505.

⁴⁵ Новейшие исследователи эпохи Константина Великого об этом источнике: *Odahl Ch. M.* Op. cit. P. 2–3; *Brandt H.* Op. cit. S. 24.

⁴⁶ О жизни Евсевия и его сочинения в биографическом контексте – см. очерк на русском языке: *Ястребов А. О.* Евсевий Кесарийский. Исторический очерк // Богословский сборник. Вып. III. М., 1999. С. 136–151. Евсевий – довольно сложный автор, чье пышное красноречие иногда труднопереводимо в силу обилия синонимов и метафор. Переводы текстов Евсевия приводим по существующим русскоязычным изданиям: *Евсевий Кесарийский.* Церковная история. СПб., 2013; *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

ковная история» в десяти книгах была первым всеобъемлющим сочинением по истории христианской церкви; книги VIII–X, в которых описаны гонения, приход к власти Константина и стабилизация религиозной ситуации в империи, являются свидетельством очевидца. Повествование доведено до 324 года, дальнейшие события правления Константина, с более подробным рассказом о его молодости и приходе к власти, содержатся в «Жизни Константина», дописанной вскоре после 337 года. Этот труд был начат Евсевием еще при жизни императора и, что самое примечательное, частично с его слов. Так, Евсевий ссылается на беседу с императором как источник информации о видении Константина в 312 году (*Vita Const.* I.28). Сочинение разделено на четыре книги, внутри которых слабо действуют хронологический и тематический принципы, и совмещает жанры панегирика и биографии. Труды Евсевия насыщены документами, что представляет для исследователя отдельную проблему (о чем было сказано выше). При работе с текстами Евсевия следует учитывать то обстоятельство, что Константин в них прославляется. Неудобные моменты – к примеру, убийства родственников, что немаловажно для нашей темы, – здесь затушевываются, что имеет два следствия. С одной стороны, мы должны согласиться с тем, что Евсевий – источник не критический. С другой стороны, само по себе умолчание о тех или иных сложных моментах является показательным, так как помогает понять, каким образом конструировалась офици-

циальная биография Константина при его жизни.

В правление Феодосия Младшего (408–450 гг.) жанр церковной истории, заложенный за сто лет до того Евсевием, активно развивается⁴⁷; у Евсевия появляется несколько продолжателей, из которых мы выделим Сократа Схоластика и Созомена, представлявших ортодоксальное направление, т. е. приверженцев Никео-Цареградского Символа веры. Сократ был, возможно, адвокат – если так перевести его прозвище⁴⁸. Второй автор, Созомен, был выходцем из Палестины и занимался адвокатской практикой в Константинополе⁴⁹. Оба автора начинают со времени правления Константина Великого, выбирая в качестве исходной точки его раз-

---

⁴⁷ Bleckmann B. Sources... P. 29.

⁴⁸ О Сократе: PLRE. Vol. II. P. 1018–1019: Socrates 2; Urbainczyk T. Socrates of Constantinople: Historian of Church and State. Ann Arbor, 1997. P. 13–40; Leppin H. The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // Greek and Roman historiography. P. 220–223. Исследователи признают, что все наши знания о Сократе основаны на его собственном сочинении. Текст сочинения Сократа Схоластика приводим по существующему русскому переводу: Сократ Схолист. Церковная история. М., 1996.

⁴⁹ PLRE. Vol. II. P. 1023–1024: Salamanes Hermias Sozomenus 2. Составители PLRE допускают возможность идентифицировать его с неким приближенным влиятельного чиновника Антемия Исидора, однако Х. Леппин признает подобное отождествление спекуляцией: Leppin H. Op. cit. P. 223. Мы согласны с этим замечанием, так как ни на чем, кроме сходства имени и хронологической близости, отождествление не основано. В целом наши знания о Созомене, как и Сократе, основаны на его сочинении. Текст сочинения Созомена приводим по существующему русскоязычному изданию: Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.

рыв с Лицинием в 324 году. В этом они демонстрируют себя продолжателями «Церковной истории» Евсевия, но, будучи зависимыми от этого автора и в смысле источниковой базы, они тем не менее выступают далеко не компиляторами. Имея в виду «Жизнь Константина» за авторством Евсевия, Сократ использует постановления церковных соборов, труды церковных (Руфина, Геласия) и светских (Евтропия) историков; Созомен же опирается на сочинение Сократа и его источники, а также привлекает немало документов⁵⁰. Как и у Евсевия, задача этих авторов – изобразить Константина подлинно христианским государем. Важно понимать, что они жили через сто лет после смерти Константина, так что в своей идеализации этого императора они не свободны от мифов, возникших вокруг его фигуры после его смерти.

Особняком среди церковных историков этого периода стоит арианский автор Филосторгий⁵¹ с его «Церковной историей»⁵². Целиком это сочинение не сохранилось, однако

---

⁵⁰ Leppin H. Op. cit. P. 227–228.

⁵¹ Филосторгий в строгом смысле был сторонником Евномия, который, в свою очередь, был последователем аномейства, близкого, но не во всем согласного с арианством учения: Шмалый В. В., *свящ.* Аномей // Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2001. С. 471–473. В этом смысле характерно присутствие в сочинении Филосторгия критики в адрес Ария.

⁵² При работе с этим источником опираемся на собственный перевод по изданию полного собрания всех фрагментов труда Филосторгия: Kirchengeschichte, mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines Arianischen Historiographen. Leipzig, 1913. В ссылке, кроме книги и главки, приводится также указание страницы по данному изданию.

дошло до нас в пересказе Фотия, частично вошло в анонимные византийские сочинения «Жизнь Константина» и «Мученичество святого Артемия», а также словарные статьи в энциклопедии «Суда»⁵³. Константину Великому посвящены первые две из двенадцати книг сочинения. Кажется, что изложение было построено по тому же принципу, что и у «ортодоксальных коллег» Филосторгия – в качестве исходной точки автора установление единовластия Константина в 324 году. Однако арианский автор, имея в виду организацию Константином осудившего арианство Никейского собора, отходит от заданного Евсевием идеализированного образа императора и вносит элемент критики⁵⁴. В частности, он единственный из плеяды грекоязычных церковных авторов сообщает об убийстве Константином сына Криспа. Для нас этот момент принципиально важен, так как он ставит вопрос об используемой Филосторгием арианской традиции (до нас не дошедшей).

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на подробность изложения и документальную насыщенность, сочинения церковных историков не могут служить основным под-

---

⁵³ Удальцова З. В. Филосторгий – представитель еретической церковной историографии // ВВ. 1983. Т. 44. С. 3; Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus // Greek and Roman Historiography. P. 258.

⁵⁴ О неоднозначном отношении Филосторгия к Константину Великому: Удальцова З. В. Филосторгий... С. 11–12; Ващенко И. Ю. Ранневизантийские императоры в «Истории» Филосторгия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 13 (84). 2010. Вып. 15. С. 21–22.

спорьем для изучения правления Константина, так как в достаточной степени они освещают лишь церковную политику императора (и то с учетом своих конфессиональных предпочтений), чему и подчинено, как правило, изложение всех прочих обстоятельств и подробностей.

– *Греческие языческие авторы.* Поскольку христианские авторы часто получают упреки в искажении образа Константина и превращении его в «святошу», то в языческих авторах соблазнительно увидеть неких обличителей императора, – как это делает современный исследователь Б. Блекманн⁵⁵. По его мнению, языческие «интеллектуалы» ставили своей целью изобличить Константина как устроителя всякого зла. Не говоря уже о том, что еще до знакомства читателя с этими авторами исследователь уже навешивает на них ярлык, в эту категорию «языческих интеллектуалов» включенными оказались Аврелий Виктор, Евтропий и Псевдо-Аврелий Виктор, а также крупный историк конца IV века Аммиан Марцеллин. В подтверждение своей мысли Блекманн обращает внимание только на критику Константина у этих авторов. Неясным остаются и критерии, по которым авторов следует отнести к языческому лагерю – особенно в контексте вышеупомянутой религиозной индифферентности⁵⁶ Аврелия

---

⁵⁵ Bleckmann B. Sources... P. 27.

⁵⁶ О равнодушии язычников к самим культам: Болотов В. В. Лекции по истории Древней церкви. Т. III. История церкви в период Вселенских соборов. СПб., 1913. С. 64–66.

Виктора, Евтропия и Псевдо-Аврелия Виктора. Нам представляется правильным, выделяя отдельную языческую традицию, включать в эту категорию только тех авторов, которые, во-первых, открыто выражают свою языческую позицию и, во-вторых, оценивают религиозную политику Константина с позиции именно языческой. Если первое условие в отношении указанных Б. Блекманном авторов выполняется хотя бы через упоминание ими языческих богов, то второе не выполняется вовсе⁵⁷. По таким признакам нам представляется правильным выделить следующих авторов: Праксагора Афинского, императора Юлиана Отступника, Либания, Евнапия и Зосима. Таким образом, наши авторы очень удачно умещаются в хронологические границы поздней Римской империи (IV–V вв.).

Афинянин Праксагор, автор с широкими интересами, написал жизнеописание Константина в двух книгах⁵⁸, дошедшее до нас в пересказе Фотия (IX век). Согласно пере-

---

⁵⁷ Возможно, определенная критика могла содержаться в сочинении Аммиана Марцеллина, который открыто высказывает свои языческие убеждения; однако труд его дошел до нас не полностью, и книги, посвященные эпохе Константина Великого, утрачены. В сохранившейся части труда критика Константина с религиозных позиций отсутствует. Обращаясь к его произведению, мы ориентировались на издание: Ammianus Marcellinus. In 3 vol. London-Cambridge (MA), 1935–1940. Текст сочинения приводится в переводе Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни по изданию: Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005.

⁵⁸ При работе с фрагментами сочинения Праксагора опираемся на свой перевод по изданию: Praxagoras Atheniensis // FHG. Vol. IV. P. 1–2. Ссылка содержит указание издания (FHG), номер тома и страницы.

сказу, сочинение охватывает хронологический промежуток 305–330 гг., что позволяет предполагать в авторе современника Константина⁵⁹. По мнению Ф. Винкельманна, основание Константинополя Праксагор упоминает «как современник»⁶⁰. Указанный автор считает Константина язычником, – и в этом его заявлении, очевидно, отразился религиозный климат эпохи Константина, характеризующийся веротерпимостью. Все это, в сравнении с позднейшими негативными отзывами языческих авторов, позволяет локализовать время жизни Праксагора в эпохе Константина. Неясны источники Праксагора; передаваемые им сведения вполне укладываются в рамки рассказов латинских историков вроде Евтропия и Аврелия Виктора, что может предполагать использование общего источника или влияние Праксагора на источники указанных авторов. Любопытен анекдот о борьбе Константина с дикими зверями, которую подстроил Галерий, – здесь наш автор обнаруживает связь с Лактанцием (вероятно, через общий источник⁶¹).

С именем императора Юлиана Отступника (361–363 гг.)

---

⁵⁹ Составители PLRE принимают за условную точку «расцвета» этого автора середину IV века: PLRE. Vol. I. P. 724: Praxagoras. Впрочем, это совершенно неясное определение, так как известно, что Праксагор писал с 19 лет, а сочинение о Константине издал в 22 года.

⁶⁰ *Winkelman F. Op. cit. P. 14.*

⁶¹ Об этом анекдоте и его изложении у Лактанция и Праксагора – наша статья: *Миролюбов И. А. Константин Великий в клетке со зверем // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Т. 21. С. 571–579.*

связана попытка реставрации язычества; в этом смысле понятно, что он не мог обойти вниманием фигуру дяди – Константина Великого. Аммиан Марцеллин отмечал, что Юлиан, заявив претензию на верховную власть в начале 360 года, немедленно занялся критикой Константина (*Res Gest.* XXI.10.8). Вероятно, первые памфлеты Юлиана оказали влияние на общественное мнение – нотки критики появляются уже в сочинении Аврелия Виктора, написанном в это время. Из имеющихся в нашем распоряжении сочинений⁶² Юлиана огромный интерес представляет его памфлет «Цезари» (также «Пир, или Кронии»), написанный уже в период единовластия этого императора. Сюжет его строится вокруг приглашения на сонм богов римских императоров. В адрес Константина сыплются упреки в тщеславии, изнеженности и отступничестве от традиционных верований. Сочинение Юлиана, не являясь специальным трактатом о Константине, знаменует начало систематической критики⁶³ его фигуры с позиции языческой элиты. Тем любопытнее сравнить эти выпады с верноподданническими эскападами, содержащимися в панегириках Юлиана, написанных им некогда в честь своего кузена – сына Константина, Констанция. К фи-

---

⁶² При работе с сочинениями Юлиана опираемся на свои переводы по изданию: *The Works of the Emperor Julian*. In 3 vol. London-New York, 1913–1923.

⁶³ Ч. М. Одал резонно полагает, что языческая критика в отношении Константина началась именно с периода Юлиана: *Odahl Ch. M. Op. cit.* P. 4.

гуре Юлиана тесно примыкает ритор Либаний⁶⁴. В ряде своих речей, восхваляя Юлиана, он затрагивает тему его происхождения и – неизбежно – семьи Константина. Отметим, что Либаний является ценным источником по взаимоотношению Константина с братьями (один из которых – Юлий Констанций – был отцом Юлиана).

Представителями сугубо исторического направления внутри языческой традиции являются ритор Евнапий и зависимый от него в смысле источника информации Зосим. Первый автор⁶⁵ известен благодаря своим «Жизнеописаниям философов и софистов» и «Истории», которая дошла до нас во фрагментах. Несмотря на уверения Евнапия в строгом следовании принципу поиска истины, мы должны согласиться с В. Либешутцем, что написаны его произведения со «строгих языческих позиций»⁶⁶, и это, разумеется, не могло не отразиться на объективности автора. «История» Евнапия стала источником информации для Зосима. Последний – живший в конце V века⁶⁷ крупный чиновник налоговой сферы

---

⁶⁴ Его речи цитируем в существующем переводе на русский язык С. П. Шестакова: Речи Либаний: в 2 т. Казань. 1912–1916. При работе с текстом источника мы ориентировались также на издание Р. Ферстера: *Libanii Opera*. In 10 vol. Lipsiae, 1903–1921.

⁶⁵ PLRE. Vol. I. P. 296. Eunapius 2.

⁶⁶ *Liebeschuetz W. Pagan Historiography and the Decline of Empire // Greek and Roman Historiography*. P. 178.

⁶⁷ ⁶⁷ PLRE. Vol. II. P. 1206. ZOSIMVS 6.

– по выходе в отставку написал «Новую историю»⁶⁸, где изложил события от Августа до правления Гонория (изложение событий обрывается 410 годом). Сочинение Зосима содержит обстоятельный очерк о правлении Константина; среди прочего, автор касается темы личной жизни императора. Я. Буркхардт отмечал ту осторожность, с которой исследователь должен относиться к сведениям этого историка⁶⁹, однако оговорки из серии «если мы склонны верить» вряд ли здесь уместны – необходим более глубокий анализ, возможный лишь при сопоставлении данных этого автора с данными из комплементарной по отношению к Константину традиции. Думается, что это правило применимо и ко всей языческой традиции в целом.

c) *Miscellanea*. В эту категорию нам представляется необходимым включить те сведения, которые сохранились в составе позднейших компиляций византийского времени. Б. Блекманн в своем очерке об источниках наших знаний о личности и эпохе Константина Великого уделяет им мало внимания⁷⁰, но исследователи нередко обращаются к таким авторам, как Иоанн Малала и Петр Патрикий (VI век), автор Пасхальной хроники (VII век), Феофан (VIII век), авто-

---

⁶⁸ При работе с этим данным источником опираемся на свой перевод по изданию: Zosimi... Historia Nova. Lipsiae 1887.

⁶⁹ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 285, 292, 295, 332.

⁷⁰ Bleckmann B. Sources. P. 28–29.

ры Patria Constantinopolitana (X/XI вв.) и Иоанн Зонара (XII век). Ни один из этих авторов, создавших масштабные произведения, не писал специально о Константине, потому мы, конечно, не будем рассматривать их творчество углубленно. Обратим внимание лишь на то, как они могут помочь в раскрытии интересующей нас темы.

Указанных авторов можно разделить на две категории: глубоко историков (Петр Патрикий⁷¹, Феофан⁷² и Иоанн Зонара⁷³) и писателей с уклоном в жанр периегезы (авторы Patria Constantinopolitana), причем ко второй категории – в вопросах освещения эпохи Константина – тесно примыкают Иоанн Малала⁷⁴ и автор Пасхальной хроники⁷⁵. Вторая ка-

---

⁷¹ Текст этого автора приводим по существующему изданию его перевода на русский язык: Петр Магистр // Византийские историки. СПб., 1860. С. 279–310.

⁷² Текст этого автора приводим по существующему изданию его перевода на русский язык: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884. В ссылке обозначается год «от сотворения мира», под которым идет цитируемая запись Феофана.

⁷³ Текст этого автора приводим в своем переводе; при работе с ним мы опирались на издание Л. Диндорфа: Ioannis Zonarae Epitome historiarum. Vol. III. Lipsiae 1870. В ссылках, кроме номера книги, главы, обозначены указания страниц по данному изданию.

⁷⁴ Текст этого автора приводим в своем переводе, выполненном по изданию Л. Диндорфа: Ioannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831. В ссылках указывается номер книги данного сочинения, а также страница по указанному изданию. При работе с текстом мы опирались также на современный комментированный английский перевод: The Chronicle of John Malalas: A Translation. Melbourne, 1986.

⁷⁵ Текст данного источника приводим в своем переводе, выполненном по изданию Л. Диндорфа: Chronicon Paschale. Vol. I. Bonnae, 1832. В ссылках указы-

тегория источников сообщает ценные сведения об основании Константинополя, существенно расширяя данные, сохранные у Зосима. Особо стоит выделить авторов *Patria Constantinopolitana*, так как здесь (в разделе *Παραστάσεις σύντομοι χρονικάί*, далее – PSCh.) мы сталкиваемся с перечнем статуй города Константинополя, изображающих в том числе и членов семьи Константина Великого. Вместе с тем это трудный источник, чьи данные иногда выглядят заведомой выдумкой⁷⁶, потому их необходимо сверять с данными других авторов (например – интересующегося застройкой Константинополя Иоанна Малалы⁷⁷) и, наконец, дошедшими до нас памятниками эпохи.

Сугубо историческое направление представлено масштабными работами, в которых Константину уделено место в рамках всемирной (или – в случае с Петром Патрикием – римской) истории. Разумеется, здесь мы имеем дело с компиляциями – это касается и автора Пасхальной хроники, и Феофана, и Иоанна Зонары. Пасхальная хроника,

---

валяется год от Рождества Христова, под которым идет цитируемая запись данного автора.

⁷⁶ О сложности этого источника – введение в издании его текста: Cameron A., Herrin J. Introduction // *Constantinople in the Early Eighth Century*. Leiden, 1984. P. 1–53. Указанным изданием, снабженным английским переводом и обстоятельным комментарием, мы и пользовались при переводе текста данного источника.

⁷⁷ Интерес к Константинополю и Антиохии (которая, как кажется, была родиной автора) может указывать на использование им не дошедших до нас городских хроник. Обзор источников «Хронографии» Иоанна Малалы: *Jeffreys E. Malalas' Sources* // *Studies in John Malalas*. Sydney, 1990. P. 167–216.

зависимая от Иоанна Малалы, содержит следы использования агиографии и, что немаловажно, законодательных документов, а также римских фаст⁷⁸. Автор сообщает ряд ценных сведений о членах семьи Константина. Обширный материал задействовал и Феофан⁷⁹, который в своей «Хронографии» приводит генеалогические таблицы семейства Константина. Большой интерес для нас представляет грандиозная компиляция Иоанна Зонары, византийского чиновника рубежа XI–XII вв. В числе источников по времени Константина этот автор обращался (через посредство уже византийских авторов) к греческому переводу Евтропия и Аммиана Марцеллина (чье сочинение в дошедшем до нас виде начинается лишь с 353 года); ряд источников не дошли до нас вовсе⁸⁰. Зонара хорошо понимал компилятивный характер своего труда и иногда стремился суммировать различные взгляды имеющихся у него источников на те или иные вопросы. Несколько особняком стоит такой автор, как Петр Патрикий и примыкающий к нему Анонимный продолжатель Диона⁸¹. Петр Патрикий – видный дипломат эпохи Юстиниана; ха-

---

⁷⁸ Удальцова З. В. Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т. 45. С. 61.

⁷⁹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 17.

⁸⁰ Вопрос об источниках Иоанна Зонары: *Bancich T.M.* Introduction: The Epitome of Histories // *The History of Zonaras*. Abingdon-New York, 2009. P. 8–11.

⁸¹ Б. Г. Нибур предполагал, что этот автор и есть Петр Патрикий: *Нибур Б. Г.* О жизни Петра Магистра // Византийские историки. СПб., 1869. С. 286. Мнение это небезусловно, но оба автора рассматриваются в комплексе: *Cataudella M. R.* Historiography in the East // *Greek and Roman Historiography*. P. 431–442.

рактерно, что его произведение, сохранившееся во фрагментах, освещает дипломатические переговоры Константина с Лицинием в 316 году, между тем как Анонимный продолжатель Диона характеризует этих императоров рядом анекдотов.

В целом византийская традиция чрезвычайно ценна для уточнения целого ряда аспектов деятельности Константина, однако переоценивать ее не следует по причине того, что все авторы жили в эпоху его активной мифологизации. Задачам этой мифологизации могло быть подчинено у них и компилирование более ранней традиции, до нас не дошедшей. Поэтому сведения их не могут быть восприняты в отрыве от сведений более ранней традиции и деятельности самого Константина, известной по отражениям в его *testimonia* и источникам официального происхождения.

Общий вывод к разделу. Нарративная традиция, разделенная по языковому и конфессиональному признаку, часто весьма противоречива. Если говорить об этом применительно к династической политике Константина Великого и, шире, истории его семьи, то здесь уже древние авторы сталкивались с трудностями в освещении жизненного и карьерного пути большого количества персоналий со стереотипными именами (например: Юлий Констанций – отец⁸², брат и сын

---

⁸² Отец Константина Великого, император Констанций Хлор, был известен под именем Флавий Валерий Констанций: PLRE. Vol. I. P. 227–228; Fl. Val.

Константина; Далмаций и Ганнибалиан – братья и племянники Константина). Безусловно и то, что Константин, уже при жизни окруженный легендами, после смерти стал объектом мифологизации, от которой авторы (в значительной степени – поздние) были несвободны. Для работы с источниками нам необходимо серьезнейшим образом применить комплексный метод, т. е. скрупулезно анализируя каждый источник в соответствии с его особенностями, мы должны сопоставлять полученные данные с выводами, к которым мы пришли в ходе работы с другими категориями источников. С учетом этого обстоятельства имеющиеся источники следует признать достаточным основанием для изучения династической политики Константина.

Не стоит забывать и о применении методов исторической географии, важность которой для изучения деятельности Константина отметил современный исследователь Ч. М. Одал⁸³. По его мнению, анализ данных нарративной традиции и предметов материальной культуры в отрыве от их окружения, в том числе географического, ведет к искажению объективной картины. С этим замечанием нельзя не согласиться.

Constantius. Этот набор *nomina* убедительно зафиксирован нумизматикой и эпиграфикой, однако Аврелий Виктор сообщает, что до получения императорского титула он звался Юлий Констанций (De caes. 39.24). *Nomen* Юлий будет неоднократно встречаться в семье Константина, что, на наш взгляд, подтверждает сообщение Аврелия Виктора.

⁸³ *Odahl Ch. M. Op. cit. P. VIII.*

Степень изученности темы

Литература о Константине Великом чрезвычайно обширна. Вниманию исследователей он обязан двумя обстоятельствами⁸⁴: христианским вектором религиозной политики и основанием Константинополя. Династическая политика императора, которую мы определили как сумму мероприятий, направленных на построение кровнородственной династии, практически не составляла отдельного предмета исследования, хотя еще в научной литературе XVII столетия фигурирует понятие *Familia Constantini Magni* (в значении «семья» или «династия»). Собственно, термин появляется у Ш. Дюканжа⁸⁵, который в 1680 году предпринял попытку систематизировать знания о семействе Константина, опираясь без всякой критики на нарративную традицию⁸⁶; ряд его заявле-

---

⁸⁴ Общепризнано уже мыслителями XVIII столетия: *Монтестье Ш. Л.* О духе законов. М., 1999. С. 371; *Монтестье Ш. Л.* Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 351; *Гиббон Э.* История упадка и разрушения: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 2. М., 2008. С. 261; *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 353.

⁸⁵ *Du Cange C.* *Familia Constantini Magni // Historia byzantina duplici commentario illustrata.* Lutetiae Parisiorum, 1680. P. 42–51.

⁸⁶ Очерк сопровождается прорисовками монет, легенды которых помогают Дюканжу уточнить имена персонажей, однако здесь он не свободен от додумывания. В целом прорисовки играют более декоративную роль.

ний⁸⁷ не подкреплён источниками. В целом, работа Дюканжа является важнейшим просопографическим справочником – вплоть до появления статей «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова. Работой Дюканжа нам представляется возможным обозначить начало **раннего этапа в изучении заявленной проблемы.**

Немалое значение семье Константина уделяет в своей «Истории императоров» Л.-С. Тиллемон (1690-е гг.), но для него она не является специальным предметом исследования. Тиллемон следует хронологическому принципу, затрагивая по годам те или иные события (что, кстати, ставит вопрос уточнения хронологии жизни Константина). От исследовательского взгляда не укрылся ряд проблемных вопросов, обзорное рассмотрение которых он посчитал необходимым вынести в примечания. Так был научно поставлен вопрос о статусе брака родителей Константина Великого⁸⁸, о его личной жизни и степени законности его детей⁸⁹, т. е. те вопросы, ко-

---

⁸⁷ Например, о браке сестры Константина, Анастасии, и придворного Оптата: *Du Cange C.* Op. cit. P. 45. Стоит отметить, что это утверждение было повторено Э. Гиббоном: Указ. соч. Т. 2. С. 264. Дискуссию относительного этого неподкрепленного источниками утверждения см: *Enfilin W.* Optatus (2) // PWRE. Bd. XVIII/35. Sp. 760–761.

⁸⁸ *Tillemont L.* —S. Histoire des empereurs. Vol. IV. Paris, 1692. P. 613–614.

⁸⁹ *Ibid.* P. 617, 623–624. В этой связи не согласимся, что труд Тиллемона – просто компиляция источников: Историография античной истории. М., 1980. С. 43. Несмотря на отсутствие критического научного подхода, исследователь выделял проблемные вопросы, многие из которых представляют исследовательский интерес до сих пор.

которые являются предметом научных дискуссий и сегодня.

Константин привлекал внимание мыслителей эпохи Просвещения. Монтескье, рассматривая политическое развитие и деградацию Римского государства, высказал мысль о преемственности Константина в отношении тетрархических опытов императора Галерия⁹⁰, что ставит вопрос о влиянии на династическую политику Константина Диоклетиана и его преемников. Просвещение относится к Константину в целом критически – Вольтер говорит о многовековой идеализации «женоподобного варвара» Константина, «купающегося в крови своих родственников»⁹¹. Суждение Вольтера оказало большое влияние на последующую историографию о Константине, так как привнесло в исследования элемент критики с этических позиций. Э. Гиббон, историк этого периода и автор монументальной «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1789), немало внимания уделяет семье Константина⁹², видя в ней основу для организации власти по династическому принципу, однако, уклонившись в этические рассуждения, подчиняет свое изложение достаточно морализаторской задаче – продемонстрировать превращение Константина в «жестокосердного деспота».

---

⁹⁰ Монтескье Ш. Л. О причинах... С. 351.

⁹¹ Voltaire. Portrait de l'empereur Julien // (buvres completes de Voltaire. Т. 28. Paris, 1879. Р. 2–3. Показательно, что идеалом для Вольтера, в противовес Константину, является его племянник – император-философ Юлиан.

⁹² Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 264–271.

та»⁹³. От подобного морализаторства не были свободны ни Я. Буркхардт («Век Константина Великого», 1853), ни Т. Моммзен (курс лекций по истории римских императоров⁹⁴, 1880-е гг.). Вместе с тем эти исследователи выделили именно династическую политику в отдельный вектор деятельности Константина. Буркхардт, исходя из мысли о тяготении «любой монархии» к династизму, рассматривал кровнородственную династию Константина как антагонизм построениям Диоклетиана⁹⁵; с этим согласен⁹⁶ и Т. Моммзен. Оба исследователя сходятся во мнении, что Константин придерживался авторитарного стиля управления, и плачевным итогом его стремления сохранить власть внутри семьи становится раздел империи⁹⁷.

Стоит отметить, что именно в курсе лекций Т. Моммзена

---

⁹³ Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 263.

⁹⁴ Курс лекций стал основой для конспектов С. и П. Хензелей, которые были прокомментированы и изданы уже в наше время Б. и А. Демандтами. По сути, эта публикация заменяет ненаписанную Т. Моммзеном историю императорского Рима: Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002.

⁹⁵ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 36–40.

⁹⁶ Моммзен Т. Указ. соч. С. 502. Моммзен не скрывает личной симпатии к Диоклетиану.

⁹⁷ Моммзен видит в разделе империи между сыновьями свидетельство нерешительности самого Константина: Моммзен Т. Указ. соч. С. 509. Точка зрения Буркхардта более экзотична – Константин у него оказывается в заложниках собственной привязанности к идее кровнородственной династии и, предвидя моральное развитие своих сыновей, подготовил все условия для будущей гражданской войны между ними, чтобы хоть один из них уцелел для продолжения рода: Буркхардт Я. Указ. соч. С. 278–279.

была обозначена необходимость при изучении деятельности Константина ориентироваться на такие источники, как монеты и надписи⁹⁸, использование которых до того было эпизодическим.

Введение в научный оборот большого количества источников (например – начало издания CIL в 1853 году) потребовало новой систематизации знаний, и это стремление выразилось в издании «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова⁹⁹ (PWRE). В ней содержится ряд статей о членах семьи Константина – преимущественно за авторством О. Зеека, ученика Т. Моммзена и автора монументальной «Истории упадка античного мира»¹⁰⁰. Немецкий исследователь, сосредоточившись на критическом анализе нарративной традиции, научно сформулировал проблему материнства детей Константина. Еще Т. Моммзен, опираясь на невнятное сообщение Зосима, считал всех сыновей императора рожденными

---

⁹⁸ Хотя корпуса надписей существовали еще и в XVI веке, а применительно к эпохе Константина в качестве исторических источников их привлекает уже Дюканж, все же в полной мере надписи были введены в научный оборот с началом издания *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL) в 1847 году: Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 25–29.

⁹⁹ Издание энциклопедии началось еще в первой половине XIX века А. Паули, однако было переработано Г. Виссова для издания, которое началось с 1882 года: *Историография античной истории*. С. 143.

¹⁰⁰ Интерес для нашей проблемы представляет первый том этой работы, где дан общий обзор политической ситуации начала IV века и развиты некоторые положения, которые были отмечены Зееком в его статьях в составе PWRE: *Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I. Band. Stuttgart, 1897. S. 143–188.*

ми от наложницы¹⁰¹; Зеек же обратил внимание на неясность с датой рождения Константина-мл. Несколько произвольная манипуляция с данными источников привела его к мысли о существовании в жизни Константина еще одной женщины¹⁰². Научная дискуссия вокруг происхождения второго сына Константина Великого продолжается и сегодня; в перспективе это допущение поставило вопрос о соотношении статуса детей от законной супруги и наложницы в рамках императорской семьи начала IV века. Оценивая династический план Константина, автор биографической статьи о нем в PWRE К. Бенджамин полагает¹⁰³ его подражанием тетрархии Диоклетиана с привнесением в нее кровнородственного элемента.

Отечественная историография этого периода сравнительно мало обращает внимание на Константина под интересующим нас углом зрения. Ф. И. Успенский в своей «Истории Византийской империи» (1913), вполне в духе Гиббона, Буркхардта и Моммзена, выбирает моменты из семейной жизни Константина для этической критики императора¹⁰⁴. Церковную политику Константина рассматривают В. В. Болотов, А. П. Лебедев, А. А. Спасский и А. И. Бриллиантов.

---

¹⁰¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 500.

¹⁰² Seek O. Constantinus (3) // PWRE. Bd. IV/7. Sp. 1026.

¹⁰³ Benjamin C. Constantinus (2) // PWRE. Bd. IV/7. Sp. 1022–1023.

¹⁰⁴ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. I. СПб., 1913. С. 98.

Пожалуй, особого внимания заслуживает мысль¹⁰⁵ о влиянии на религиозную политику Константина веротерпимости его отца, императора Констанция Хлора. Эта точка зрения, основанная на следовании христианской нарративной традиции, ставит, однако, важный вопрос о взаимоотношениях Константина с отцом.

Фигура отца Константина – Констанция Хлора, – как предка династии, тесно связана с еще одной важной проблемой, имеющей непосредственное отношение к династии Константина. Обеспечивая легитимность своей будущей династии, Константин объявлял себя потомком – по отцовской линии – императора Клавдия Готского. Нарративная традиция отразила эту генеалогическую претензию, правда – весьма разноречиво. Ранние исследователи – Дюканж, Тиллемон и Гиббон¹⁰⁶

---

¹⁰⁵ Спасский А. А. Обращение императора Константина Великого в Христианство // Богословский вестник. 1905. Т. I. № 1. С. 60–62.

¹⁰⁶ *Du Cange C.* Op. cit. P. 42; *Tillemont L.-S.* Op. cit. P. 76–77; *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. I. С. 536–537. Все авторы воспроизводят версию, изложенную у SHA.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.